

Н. В. Эйльбарт¹

ОППОЗИЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В ВОСПРИЯТИИ ПОЛЯКОВ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Проблема культурного взаимовосприятия между различными славянскими народами приобретает особую остроту применительно к двум наиболее многочисленным из них: полякам и русским, и именно здесь мы можем весьма четко проследить всю неоднозначность, двойственность их акцептации друг друга. С одной стороны, языковая близость, общие народные традиции, рожденные еще славянским язычеством (например, праздник Ивана Купалы, Масленица, единый пантеон богов во главе с Перуном), делают польскую национально-культурную ментальность понятной русскому человеку, возводят ее в степень «своего», «родного», почти не отличающегося от собственно русского. Однако, с другой стороны, культура шляхетской Польши, основанная на католицизме и традициях, пришедших из Западной Европы, сводит это понимание практически на нет, превращая польскую ментальность в чуждую и непонятную, и в конечном счете делает из поляка врага, «посланца враждебного Запада и папы римского», желающего России зла. В свою очередь поляки, восхищаясь русским языком и русской народной музыкой, в особенности танцевальной, считая ее великолепным выразителем «славянской души», видят угрозу в российской государственности «азиатского типа», попирающей, по их мнению, человеческие права и свободы, превращающей своих граждан в покорных рабов и угрожающей родной Польше потерей независимости. Образ «чужого» и враждебного по отношению к польской национальной ментальности в российском обществе приобретает особую остроту в условиях своего рода столкновения двух славянских культур в рамках единого государства — Российской империи, длившегося более ста лет и берущего свое начало в последней четверти XVIII века в связи с тремя разделами Речи Посполитой.

Вышеупомянутая двойственность в восприятии поляка, с одной стороны, в качестве родственника, а с другой — врага, как нельзя лучше отражена в творчестве великого русского поэта А. С. Пушкина, порой весьма иронично подчеркивавшего в своих произведениях российское понимание польского национального характера: легкомыслие, надменность, лживость и продажность. «Не верю чести игрока, любви к России поляка», — восклицает поэт в стихотворении «Моя родословная». В его поэме «Борис Годунов» Дмитрий Самозванец хвастает тем, что «поляков безмозглых

обманул». В то же время Пушкин недвусмысленно восхищается патриотизмом Т. Костюшко и талантом А. Мицкевича: «Не то беда, что ты поляк: Костюшко лях, Мицкевич лях!». Реагируя на восстание в Польше в 1830 году, поэт называет его в письме к Дельвигу «делом семейственным, старинной и наследственной распрей», которое, впрочем, «надобно задумать». С точки зрения Пушкина, возникает образ поляка — некоего «блудного сына», предавшего единую семью славянских народов, которого следует по-родственному наказать.

Ветренность, ненадежность, спесивость — такими красками рисует поляков Л. Н. Толстой в произведении «Война и мир». Когда Наполеон во главе своей армии вступает в Вильно, который незадолго до этого оставили русские войска, «толпы народа с восторгом встречали и провожали его. Во всех окнах улиц, по которым он проезжал, были выставлены ковры, знамена, вензеля его, и польские дамы, приветствуя его, махали ему платками». Когда адъютант российского императора Александра I граф Балашев посещает Наполеона в Вильно, то застаёт в его приемной «польских магнатов, из которых многих видал при дворе русского императора». В то же время и для французов в интерпретации Л. Н. Толстого поляки оказываются ненадежными союзниками. В одной из сцен романа перед читателем предстает перебежчик из французского лагеря, польский уланский офицер корпуса Понятовского, так объясняющий свой поступок: «Он перебежал потому, что его обидели по службе, что ему давно бы пора быть офицером, что он храбрее всех и потому бросил их и хочет их наказать». В то же время культурное восприятие русскими солдатами польских крестьян, по чьим деревням они следовали на пути к Аустерлицу, отраженное Толстым, выглядит как братское, родное, в отличие от чуждого, немецкого. «Там всё как будто поляк был, всё русской короны, — говорит один солдат другому, — а нынче, брат, сплошной немец пошел». Таким образом, проводится четкая грань между шляхетским, лживым и враждебным, и крестьянским, славянским, родным, мало отличающимся от собственно русского.

Огромную пищу для насмешек над стереотипом поведения поляков в России, над их попытками приспособиться и вписаться в российское общество в качестве «своих», русской общественной мысли первой половины XIX века дает деятельность литератора и издателя Фаддея Булгарина, как на русский манер называл себя поляк Тадеуш Булхарин. Его ультраправое проправительственное издание «Северная пчела» и патриотические повести и романы о России не вызвали доверия у литературной общественности, считавшей автора лицемером и «продажным поляком», а эпиграммы о нем не писал разве что ленивый. «Он с французом — за француза, с поляком — он сам поляк», — иронично отзываясь о нем Н. А. Некрасов. «Россиио

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор исторических наук. Автор более 60 научных работ, в т. ч. «Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ», «Лжедмитрий II: происхождение и гибель. Свидетельства польских документов Государственного архива Швеции», «Лжедмитрий I и политическая элита Речи Посполитой: мифы и факты», «Поход Сигизмунда III и королевича Владислава к Москве в письмах ксендза Якуба Задзика (1612–1613 гг.)», «Осада Смоленска Сигизмундом III в письмах ксендза Якуба Задзика (1610–1611 гг.)», «Поход гетмана Станислава Жолковского к Москве в письмах шляхтича Яна Гридича (1610 г.)» и др.

продает Фаддей, не в первый раз, как всем известно. Пожалуй, он продаст жену, детей, и мир земной, и рай небесный», — печально констатирует М. Ю. Лермонтов. Петербургский издатель Н. И. Греч, хорошо знавший Булгарина, в книге «Воспоминания о моей жизни» проецирует личные недостатки своего коллеги на особенности польского национального характера в целом, и делает это весьма однобоко: «Он был поляк, и в этом заключается все его оправдание. У поляков своя логика, своя математика, составленная из слияния правил иезуитских с понятиями жидовскими. Наносить всевозможный вред своему врагу, нападать на него всеми средствами, пользоваться всеми возможными случайностями, чтоб надоест ему, оскорблять его правдой и неправдой и утешаться мыслью, что цель оправдывает средства. Ложь, обман, лесть, коварство, измена — все эти гнусные средства считаются у них добродетелями, когда только ведут к предположенной цели. Станем ли обвинять легавую собаку, что она, по внушению своей природы, гоняется за дичью, а кошку — что она ловит мышей?».

Образ поляка, мошенника и интригана, ненавидящего все русское и не гнушающегося нанести удар в спину, предстает перед нами в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева. В «Униженных и оскорбленных» автор выводит образы двух карточных плутов, «гаденьких полячков», безжалостно запутывающих и разоряющих пожилую женщину, Тургенев же в повести «Первая любовь» описывает польского аристократа графа Малевского, жестокого интригана под маской внешнего лоска, без тени дворянской чести, всегда готового преподнести сопернику «отравленную конфетку».

Таким образом, можно констатировать, что практически весь XIX век в русской общественной мысли, отражением коей и является русская классическая литература, преобладает неприятие польской национально-культурной ментальности, характеризуемой в основном в качестве чуждого славянству явления,

обусловленного влиянием католицизма и иезуитов. Однако на рубеже XIX–XX веков взгляды на данную проблему меняются, начинается сближение славян перед растущей немецкой угрозой, поиск общего, «своего», приходит на смену восприятия польского в роли «чужого», «западного». Эта грань весьма четко прослеживается в одном из ранних рассказов М. Горького «Старуха Изергиль» (1894). Среди любовников Изергиль фигурируют два польских шляхтича, один из которых с истинно славянской щедростью и размахом продает все свое имущество, дабы осыпать ее золотом, другой же вызывает уважение своим героизмом, сражаясь за свободу греков. «Он любил подвиги», — говорит Изергиль. «А когда человек любит подвиги, он всегда умеет их сделать и найдет, где это можно». В целом весь XX век проходит под знаком определенного рода трансформации в понимании польской национальной ментальности в русском культурном контексте, от полунеприятия «чужого» до подчеркивания «своего», славянского, общего, отличного от чужого, враждебного славянству Запада. Например, в романе А. Н. Толстого «Петр Первый» ярким стереотипом щедрого и хлебосольного поляка становится образ шляхтича Борейко (кстати сказать, реального исторического лица), который протянул веревку на дороге перед своим домом, дабы путники не проезжали мимо и разделяли с гостеприимным хозяином его трапезу. Здесь поляки уже не враждебны России, они объединились с ней против общего врага — шведов — и в полной мере могут теперь быть своего рода «членом семьи», «двоюродным братом».

Движение по пути от неприятия к акцептации, от «чужого» к «своему» в отношении восприятия поляков русскими в широком смысле продолжается до настоящего времени, и эта тенденция может послужить залогом устойчивости двух славянских культур перед глобализацией, являющейся, с нашей точки зрения, одинаково чуждой всем славянам, устраняя таким образом опасность для их самобытного существования.